

Ключевые слова: культурология, Солженицын, телевидение, документальный цикл, канал ОРТ, Россия 90-х, российское образование, социально-экономические реформы.

Вартанов Анри Суренович

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Сектор художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Москва
ORCID: 0000-0003-4872-2187
e-mail: anvartanov@yandex.ru

Key words: culturology, Solzhenitsyn, television, documentary, ORT Channel, Russia in the 90s, Russian education, socio-economic reforms.

Vartanov Anry S.

PhD in Philology, head researcher of The Mass Media Department, The State Institute for Art Studies, Moscow
ORCID: 0000-0003-4872-2187
e-mail: anvartanov@yandex.ru

ВАРТАНОВ А.С.

Незавершенный телевизионный цикл Солженицына на канале ОРТ

В статье дается подробное описание и осмысление телевизионного цикла встреч с Александром Солженицыным, прошедшего в эфире ОРТ в 1995 году. Автор обрисовывает социально-политическую обстановку тех лет и личность писателя, объясняет причины крайней актуальности и полемического характера данной программы. Рассматривается широкий круг тем, затронутых Солженицыным, среди них: проблемы образования, вопросы национальной политики и исторической памяти. В заключении статьи автор выдвигает гипотезы того, почему данная программа была закрыта досрочно, хотя и имела большой общественный резонанс.

The Unfinished Solzhenitsyn's Documentary Series on the Russian ORT TV Channel

The article gives a detailed description and comprehension of Alexander Solzhenitsyn's television program broadcasted by the Russian ORT Channel in 1995. The author outlines the socio-political situation in Russia of those years and personality of the writer, explains the reasons for the extreme urgency and polemical nature of the TV-program. A wide range of topics touched upon by Solzhenitsyn are considered, among them: problems of education and trade union movement, issues of national politics and historical memory. In the conclusion of the article, the author puts forth hypotheses of why this program was closed ahead of schedule, although it had a great public resonance.

За последний период был опубликован ряд содержательных работ, посвященных как А.И. Солженицыну и его творчеству [9], так и феномену советской и перестроечной культуры [6; 12], в частности, перестроечному кино и телевидению [2; 4]. В данной статье мы обратимся к «открытым» телевизионным форматам (об открытости формы в неэкранных искусствах подробнее см. статью С. С. Ступина в данном номере и ряд других исследований [7; 13]) и рассмотрим детально один телевизионный цикл, связанный с именем Солженицына. Нас будут интересовать прежде всего содержательные аспекты, поскольку именно они и создавали культурное своеобразие эпохи и ее атмосферу, а также влияли на эстетику художественных «закрытых» форм перестроечного и более позднего времени.

Возвращаясь на родину из изгнания, Солженицын сознательно выбрал самый долгий путь. Он пролегал с Дальнего Востока на запад, в сторону российской столицы, и занял не одну неделю. Передвигаясь на поезде с многочисленными остановками, встречами с людьми, выступлениями перед ними, неспешными беседами-диалогами, подобным маршрутом писатель гарантировал себе достижение важнейшей цели: узнать во всех подробностях, как изменилась страна за время его вынужденного отсутствия, как живут соотечественники, куда движутся предложенные властью преобразования, в чем состоят основные нерешенные проблемы, вставшие перед новой Россией.

Писатель использовал самые разные средства для того, чтоб донести до максимально широкого круга людей свои представления о том, какой должна стать страна, освободившаяся от коммунистического режима. Он публиковал тексты в газетах с миллионными тиражами (напомню обстоятельную аналитическую работу – ее даже не назовешь

статьей, это, скорее, подробный манифест размером с брошюру – «Как нам обустроить Россию?», напечатанную в «Комсомольской правде» и «Литературной газете» еще до возвращения писателя на родину, осенью 1990-го), а позже, уже вернувшись, постоянно выступал перед разными аудиториями, вплоть до Государственной Думы, активно участвовал в телевизионных передачах разных телеканалов, посвященных политическим темам.

По характеру своего дарования, в котором органически соединялись такие качества, как превосходное знание российской социально-общественной практики разных эпох, умение кропотливо собирать и всесторонне анализировать конкретные факты жизни сограждан, постоянно сравнивать былое и настоящее, яркий темперамент публициста и пропагандиста, человека, имеющего свою последовательную и цельную концепцию развития страны, Солженицын, конечно же, нуждался в самой обширной, массовой трибуне, где можно было бы в рамках большого авторского цикла неспешно и систематично, проанализировав всесторонне происходящее, изложить свое видение настоящего и будущего общественного устройства новой России.

В современных условиях подобное обращение к нации с должной эффективностью возможно лишь с помощью наиболее могучих из имеющихся массовых средств информации, к которым относятся газеты с миллионными тиражами, крупнейшие всероссийские радиостанции или вещающие на всю страну телевизионные каналы. После множества встреч лицом к лицу с людьми в сравнительно небольших аудиториях, которые происходили на пути следования поезда с Дальнего Востока до Москвы, во время многочисленных поездок уже после возвращения, самым естественным и наиболее эффективным их продолжением выглядела такая форма общения, как выступление с телевизионного экрана, где миллионы людей могли бы не только слышать слово писателя, но и видеть его самого, ощущать магнетизм его личности, заражаться его убежденностью.

Такая возможность представилась писателю весной 1995 года, когда на российском телеканале ОРТ начался цикл встреч с Солженицыным. Правда, уже при первом взгляде на открытую в эфире программу у внимательного зрителя возникали вопросы. Почему человеку, известному своей склонностью к подробному и неспешному исследованию любой проблемы, предложили столь куцый формат,

где каждому выпуску цикла предоставлено всего пятнадцать минут? Почему эти встречи предполагалось проводить не ежедневно, на крайний случай, не еженедельно, а с периодичностью два раза в месяц, когда у большинства зрителей неминуемо успеет пропасть ощущение цельного, последовательного, непрерывного общения с писателем?!

Не знаю, к сожалению, подробностей истории подготовки телевизионного цикла, в частности, того, в каком направлении шли переговоры руководства крупнейшего в стране телеканала с Солженицыным о будущей его работе в эфире. Подозреваю, что уже на стадии обсуждения в решение предоставить великому писателю всероссийскую телевизионную трибуну вторгались весьма далекие от сути дела обстоятельства.

Главным тут оказался, очевидно, политический аспект. Шел 1995 год, на последний месяц которого были назначены парламентские выборы. Судя по замерам социологов, победу на них вполне могли одержать (и, как показало недалекое будущее, действительно одержали!) коммунисты. Действующая власть, опасаясь реставрации прежнего режима, судорожно искала любые средства противостояния готовой возродиться советской идеологии.

Еще недавно таким могучим заслоном служил первый президент новой России Борис Ельцин с его мощной антикоммунистической харизмой, с беспрецедентно высокими процентами народной поддержки. Но после болезненных для населения, плохо продуманных экономических преобразований в стране (назвать их реформами не решались в ту пору даже инициировавшие и проводившие их представители власти), конфликта с парламентом, завершившегося его расстрелом, рейтинг Ельцина, прежде рекордно высокий, упал до уровня, который выглядел теперь не иначе как антирекордом. Предстоящие через полгода после парламентских президентские выборы не внушали больших надежд на переизбрание Ельцина на второй срок.

В окружении первого российского президента возникли панические настроения, связанные с тем, что шансы его на новую победу выглядели призрачными. Появились даже планы переноса выборов, которые, по Конституции, должны были состояться в следующем, 1996 году, на более поздний срок. В этих условиях ярый антикомму-

нист Солженицын, более других пострадавший от гонений со стороны советской власти, как можно предположить, показался людям из ельцинского окружения идеальной фигурой для противостояния КППРФ, своего рода «палочкой-выручалочкой» в борьбе с коммунистами.

Они, как нетрудно догадаться, рассчитывали на то, что в своих телевизионных выступлениях писатель, обладающий беспрецедентным нравственным авторитетом в глазах миллионов людей, главной мишенью для своих разоблачений выберет, естественно, коммунистов, их идеологию и общественно-политическую практику. Вместе с тем, прекрасно зная, что Солженицын далеко не в восторге от того, как проходят нынешние преобразования в стране, что он, не стесняясь, постоянно и последовательно критикует их в своих публичных выступлениях, руководители Первого канала, на всякий случай, перестраховались. Они отвели на каждый выпуск цикла по пятнадцать минут (это, как известно, на практике минимальный из всех возможных хронометраж внутри сетки регулярного телевизионного вещания), да и поставили их в телепрограмму с периодичностью раз в две недели, что тоже является самой скудной «дозой» для существующих в эфирной практике цикловых программ.

Несмотря на все эти предосторожности, телевизионщики и те анонимные представители власти, которые стояли за ними, просчитались. Они, как говорится, не на того напали. Солженицын, судя по всему, прекрасно понимал несправедливость (если не сказать, унижительность!) условий предложенного ему сотрудничества с каналом ОРТ. Недаром опубликованные в конце того же года, вскоре после скандального закрытия цикла, расшифровки его телевизионных бесед названы весьма выразительно: «По минуте в день» [10]. Действительно, четвертьчасовые телевизионные встречи, проходящие дважды в месяц, дают, в результате нехитрых арифметических действий, именно этот неутешительный итог.

Тем не менее даже в скудных временных рамках писатель сумел достичь очень многого. Иногда даже, не споря специально с заказчиками, Солженицын явочным порядком исправлял их ошибки. Так, явную несурязицу, состоящую в том, что всякую заявленную автором тему предполагалось развернуть в скудном пятнадцатиминутном формате, он преодолевал простейшим способом, посвящая проблеме не один, а два, однажды даже три выпуска.

Конечно, от этого в какой-то степени страдало дело, зрителям надо было в течение прошедших от выпуска к выпуску двух недель помнить в подробностях, о чем шла речь в прошлый раз, требовалось всякий раз не только войти в курс дела, но и настроиться на предложенную автором эмоциональную волну, и все же, главное, писателю удавалось хотя бы избежать скороговорки.

В итоге, каждый из тринадцати выпусков его программы, последний из которых, увы, не увидел эфира, оставшись лишь в авторской записи, стал заметным явлением не только в истории нашей телевизионной публицистики, но и всей российской общественной жизни. В этом цикле, пусть вынужденно коротком и неполном, со всей силой обнаружилось лучшие стороны дарования Солженицына: публициста, историка, знатока отечественных традиций, общественного деятеля.

Забегая вперед, можно с полной уверенностью сказать, что, если бы обстоятельства сложились иначе, российская телевизионная аудитория обрела бы не на один сезон, а на многие годы ведущего, ничуть не уступающего тем авторам, которые волею судеб становились кумирами перестроечного российского телевидения, – а по мне, так даже превосходящего их в воздействии на души людей. Ведь в отличие от троицы молодых ведущих «Взгляда» или автора «До и после полуночи» В. Молчанова, которых к их феноменальному успеху нес могучий ветер перемен, начинавших в обществе, писатель пришел на телевидение в пору, когда главные перемены уже были позади и настало время оценить их первые результаты.

К тому же Солженицын имел за спиной не только всемирную славу своих произведений, но и выстраданную всей жизнью позицию последовательного и принципиального критика прежнего режима, подкрепленную многолетней практикой осмысления путей, которые на разных этапах своей истории выбирала Россия. Он пришел на телеэкраны, когда появилась возможность (и необходимость!) подвести итоги, пусть самые первые, пусть предварительные, всего того, что произошло за последние годы в стране.

Тем более что итоги эти, прямо скажем, не были однозначными. Ведь для значительной, если не сказать подавляющей, части населения страны происходящие перемены оказались весьма болезненными, они обозначили, прежде всего, резкое падения уровня их жизни. В этих условиях удивляло молчание власти, которая не использо-

вала даже традиционной для таких случаев попытки произнести дежурные слова о необходимости затянуть пояса и потерпеть во имя недалекого светлого будущего.

Диспозиция накануне начала телевизионного цикла встреч с Солженицыным, повторяю, была рассчитана на то, что писатель-антикоммунист свои главные критические стрелы направит против советской власти, которая довела страну до такого состояния. На самом же деле, уже в первом выпуске цикла (3 апреля 1995 года) писатель показал своим «работодателям», что их ждет немалое разочарование. Вместо предполагаемого заказчиками удара по коммунизму и, конкретно, по фавориту предвыборной гонки, каковым, несомненно, выглядела в те дни партия КПРФ, Солженицын резко укрупнил масштабы своего разговора и обрушился, в целом, на созданную в новой России систему власти.

Мало того, целью его сокрушительной критики, прозвучавшей сразу же, в начальных словах самого первого выпуска, стала предвыборная стратегия партии «Выбор России», которая тогда выступала в качестве партии власти и боролась с коммунистами как своими главными соперниками в завоевании на грядущих парламентских выборах большинства голосов. Побывав на пленуме «Выбора России», выслушав прозвучавшие там речи, писатель ужаснулся узанному и обратил свой нескрываемый гнев на программную формулировку «главной цели» партии, объявленную там выбороссами.

Выяснилось, что она состоит вовсе не в том, чтоб помочь в восстановлении рухнувшей при развале СССР экономики, промышленности и сельского хозяйства. Не в том, чтоб «поднять миллионы людей из нищеты к благосостоянию» [10, с. 5]. Не в приостановлении «разграба» (замечательное солженицынское слово, свежее и выразительное, каких у него, как всегда, было немало в его публицистике в целом и в этом цикле в частности!) «наших недр, угоняемых за границу» [10, с. 5].

Писатель в этом перечислении всего того, что, как выяснилось, не является «главной целью» (а я его привел, простите, в вынужденном сокращении), проявляет мастерство публициста, умеющего владеть своей аудиторией. Та уже с откровенным нетерпением ждет ответа на вопрос: какова же эта самая главная цель партии преобразований, идущей на думские выборы? Разгадка вскоре наступает.

«Оказывается, – говорит Солженицын, – главная цель нашей партии сейчас – **победа на выборах!**» [10, с. 5].

Тут проявляется черта, которая стала характерной для всего цикла Солженицына. Писатель говорит о сложных вопросах, нередко имеющих исчерпывающий ответ лишь в исследованиях и рассуждениях профессионалов-политологов. Те могли бы, конечно, поведать нам, что как таковая партийная победа на любых выборах никогда не является самоцелью, служа лишь только средством для возможности воплощения в жизнь своей программной стратегии. Солженицын здесь, как и в других выпусках своего цикла, не пытается теоретизировать по достаточно очевидному поводу или произносить назидательные речи.

Прекрасно понимая законы публицистического жанра, да еще в его разговорной, ораторской разновидности, он вместо логической аргументации обращается к эмоциям своей аудитории. «Боже мой! – говорит Солженицын. – Какой стыд, какой срам! Не у этой одной партии, нет, – у всех, у всех, у всех партий сейчас началась предвыборная горячка, истерия» [10, с. 5]. Заметим: общий для всех партий недостаток, продиктованный уродливой формой предвыборной борьбы, характерной для политической жизни новой России, Солженицын рассмотрел подробно не на примере коммунистов, а на материалах пленума партии власти. Той партии, которая, казалось бы, по определению была писателю ближе всех остальных, которая должна прокладывать новые пути в понимании российской политической жизни. А она на деле оказалась в точности такой, как все остальные, в том числе и коммунисты, ни чем не лучше, чем множество мелких партий, участвующих в парламентской и президентской гонке.

Уже в этом начальном эпизоде своей первой передачи писатель, не формулируя того специально, обнаруживает некоторые важные для всего цикла принципы. Солженицын не прельщается возможностью достижения легких побед на публицистическом поприще. Он не анализирует программные документы разных партий, в том числе и мелких, заявивших о своем участии в распределении мест в будущем парламенте (а их на декабрьских выборах 1995 года было аж 43!), где другие публицисты, в том числе и профессионалы-политологи, в то время с легкостью находили множество противоречий, элементарных ошибок, а то и откровенных благоглупостей.

Писатель в своих телевизионных беседах с аудиторией, представляющей всю страну, задает соответствующий масштаб, в котором и темы, и факты, и аргументы – все существует лишь в тех аспектах и ракурсах, где любая, даже самая на первый взгляд незначительная проблема оказывается необходимой для каждого жителя страны. Становится важной вехой в поступательном движении вперед новой России, освободившейся от семидесятилетнего коммунистического кошмара. Поэтому, наверное, все суждения автора цикла, прозвучавшие в каждом из его выпусков, даже когда в них сообщаются мельчайшие, совершенно, казалось бы, второстепенные факты и детали, находятся в постоянном сопряжении с главными принципами, которым автор цикла оставался верным в течение многих лет.

Второй выпуск цикла (18 апреля 1995 года) стал по своей тематике продолжением первого. Если открывающий проект выпуск шокировал зрителей фактами и наблюдениями, приведенными автором, то во втором он решил предложить некоторые выводы из своих анализов. Писатель даже попытался тут (единственный, пожалуй, раз в течение всего проекта!) систематизировать свои умозаключения относительно недостатков (автор без обиняков откровенно называет их «пороками») российской избирательной системы. Писатель перечисляет свои замечания по пунктам, называет, прежде всего, четыре главных, добавляет к ним «еще мелкие». Получается впечатляющая картина.

Первым среди четырех главных пороков избирательной системы Солженицын называет принцип формирования избирательных комиссий всех уровней, начиная с Центральной и кончая местными. На примере персональных квот при формировании ЦИКа, где в ее составлении участвуют равными долями лишь только президент страны и две палаты парламента, писатель обращает внимание на то, что ветви власти тут «согласны между собой», и она, власть, «дружно работает без какого-либо общественного контроля» [10, с. 12].

В особенности пагубно это сказывается на местах, где бесконтрольность ведет к откровенным, подчас преступным нарушениям законодательства. На конкретных материалах – сбор подписей кандидатов в депутаты, манипуляции с лишними бюллетенями и т.д. – автор цикла показывает типичные неблагополучия на местах. И делает неутешительный вывод: «К сожалению, у нас контроля нет, а без контроля мы сами себя обманываем. Без общественного

пристального контроля вообще выборы не нужны. Это – спектакль» [10, с. 13].

Другие пороки российской избирательной системы из солженицынского списка тоже весьма выразительны. Таковы сниженная до 25% явка на выборы («Это надувательство. Мы сами себя обманываем. Это должно быть изменено. Минимальная явка, при которой выборы состоятся, должна быть хоть чуть-чуть, но больше 50%. Тогда, действительно, можно будет признать, что большинство народа участвовало», – комментирует писатель [10, с. 14].

«Следующий порок: роль партий в нашей избирательной системе. Наши сегодняшние партии вообще не выросли органически из народной жизни. Они созданы группками в Москве» [10, с. 15]. Писатель не пользуется расхожим термином «диванная партия», но фактически у него речь идет именно о подобного рода политических организациях, ставших характерными для нынешней России. Солженицын вспоминает советские времена, когда любой член партии (единственной в стране, как известно, в ту пору) имел все преимущества перед беспартийными, и возмущен тем, что нечто подобное происходит и сегодня. «Если ты вступил в какую-нибудь самую задрипанную партию – ты уже получаешь преимущество в избирательной кампании» [10, с. 15].

Писатель решительно не согласен с новым российским правилом, согласно которому политические партии получают половину мест в избираемом парламенте. «Не может быть ни половины мандатов, ни 25%, ни 10%, – не может быть преимущества только за то, что они надумали организовать партию. В избирательную кампанию, изволь, каждый входи с открытой грудью, сам и борись со своими конкурентами» [10, с. 15–16].

«И потом, – добавляет Солженицын, – не должно быть этой покупки кота в мешке. Партия выставляет, собственно, даже и не кандидата, она выставляет программу. Программу, которую она наверняка не будет даже и выполнять, или не выполнит ее всю. Голосуйте за программу, а потом мы вам подсунем кандидата, который будет за вас, ваш, лучший ваш представитель, хотя, может быть, будет даже жить не у вас, а в Москве, – но ваш лучший представитель...» [10, с. 16].

Четвертым пороком избирательной системы Солженицын называет непрозрачность выдвигаемых в кандидаты людей. Он задает тот

вопрос, которым чаще всего бывают озабочены рядовые граждане, простые избиратели. «В наше воровское нечестное время должно быть прозрачно: какое у кандидата имущество, из каких источников он обогатился или составил его. И какие у него доходы, какие коммерческие связи? Это все должно быть совершенно открыто, он должен сам написать декларацию об этом, которая должна быть доступна любому избирателю» [10, с. 16].

Здесь, как и во многих других местах своих телевизионных бесед, писатель соединяет логику с эмоциями, убежденность с сарказмом, объективность со страстью, демонстрируя недюжинный талант публициста. Нетрудно догадаться, что подобные – яркие по форме, беспощадные по содержанию – квалификации происходящих в новой России политических преобразований, разделяли телевизионную аудиторию пополам. Одним сказанное Солженицыным в эфире казалось пронзительной и бесстрашной правдой, другим, – преувеличением, чуть ли не откровенной клеветой на происходящее.

Тем не менее цикл продолжался: в середине 1990-х свобода высказываний в СМИ была довольно полной. Впрочем, начиная с третьей беседы и до последней, тринадцатой, не увидевшей в итоге свет, в которой он вернулся к общим проблемам, Солженицын обратился к локальным темам. Но даже там, где другие, более поверхностные публицисты находили если не поводы для ликования, то материал для локальных замечаний, он обнаруживал сложные и большие общественные проблемы.

Так стало уже в третьей передаче цикла (15 мая 1995 года), приуроченной к полувековой годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Несмотря на то что самую эту дату писатель-фронтовик встретил в тюремных стенах Лубянки, о чем он напомнил своим зрителям в первых же фразах, его видение и самой Победы, и проблем, с нею связанных, оказалось чрезвычайно объемным и глубоким. И не только потому, что Победа 1945-го была поставлена им в контекст других испытаний, выпавших на долю нашей страны за 1100 летнюю историю. Еще важнее – и неожиданнее! – оказалось понимание четырехлетней войны в контексте предвоенных советских десятилетий, ей предшествующих.

Отличие от других публицистов, рассуждающих на эту тему, Солженицын обратил особое внимание на последствия больше-

вистской диктатуры в двадцать предшествующих войне лет. Он подверг сомнению позицию тех историков, которые уверяли, будто к середине 1930-х годов в стране сложилась ситуация, при которой большинство граждан страны полностью поддерживало новую власть. «Правильно понимать, – говорил он с экрана, – что к этому моменту (речь идет о 1941 году. – А.В.) наше население состояло наполовину из тех, кто помнил еще дореволюционную сытую спокойную Россию» [10, с. 20].

Перечислив некоторые из страшных событий внутренней жизни страны двух предвоенных десятилетий, направленных против большинства рядовых граждан, сказав об «оглушительной пропаганде», которая «катилась через наши головы» [10, с. 20], писатель выразил уверенность, с которой, пожалуй, можно было бы поспорить. Он говорил о том, что представители старших поколений советских людей, в отличие от «подростков молодежи» да «энтузиастов гражданской войны и коммунистической идеи», «не верили этой пропаганде» [10, с. 20]. Сделал вывод, который моему поколению, родившемуся в начале 1930-х, признать, нелегко подтвердить или опровергнуть с фактами в руках. «И масса населения радостно, когда началась война, вздрогнула: „Ну, конец вам теперь пришел там, наверху! Теперь вас свалят“» [10, с. 20].

Вспоминая немцев времен Первой мировой войны и отношение к ним со стороны русского населения («Сотни тысяч наших в плену были у них, ничего, приехали, рассказывали. И сотни тысяч их были в плену у нас, люди как люди. Кто мог подумать, поверить, что теперь будет совсем иначе?» [10, с. 21]), писатель многое в минувшей войне объясняет тем, что наши люди не сразу поверили, что «Гитлер идет уничтожать нас как расу, как нацию, превратить в рабов и в навоз» [10, с. 20].

В понимании собственно военной стороны Великой Отечественной Солженицын представил также много нового – на тот период нашего осмысления советского прошлого, во всяком случае. Он был убежден, что «те, кто будут изучать Великую Отечественную войну по ныне существующей энциклопедии, очень многого не узнают» [10, с. 21]. Писатель вспоминает о требовании к нашим воинам 41-го, чтобы те не сдавались в плен, а кончали самоубийством. О сверхсекретном приказе Сталина 001919 от 12 сентября 1941 года. Согласно

нему, создавались заградотряды из войск НКВД, которые стреляли по отступающим солдатам. («Кто, когда, в какой армии стреляли по своим отступающим?» – в сердцах восклицает писатель [10, с. 21]).

В отличие от большинства историков, Солженицын весьма критически оценивает многие из военных операций, проведенных после первого, крайне неудачного года сражений. Называя конкретные факты, перечисляя провалы 1942 года, он объясняет их: «Сталин, вскруженный тем, что Москву удалось не сдать, начал безумные наступления, совершенно безумные и не подготовленные никак» [10, с. 21].

Понятно, что в четвертьчасовой программе автор не мог дать хоть сколько-нибудь полную картину войны. Он обратил наше внимание лишь на некоторые ее аспекты. На те, которые более всего искажались, подавались в комплиментарной по отношению к советской власти форме официальной военной наукой. А также – на те, которые напрочь умалчивались, так, будто их вовсе не существовало. Возвращаясь к теме пленных, Солженицын вспоминает о хорошо знакомой ему по множеству писем от ветеранов практике. Даже если наши солдаты бежали из плена, их ждали новые репрессии, уже от своих. А потом на многие послевоенные годы оставался несмываемый ярлык «предателя родины».

Еще много о чем было сказано в этом выпуске. О роли нашей Победы в судьбах всего человечества. О плачевном состоянии современных вооруженных сил новой России. О возможных реальных угрозах, к которым следует готовиться. Были сказаны и слова, прозвучавшие пророчески. Писатель говорил о западных лидерах и их отношении к нашей стране. «Они в безумии, и в близорукости не представляют, что ждет в XXI веке Европу и Америку. Им еще жарко будет в XXI веке, и даже в первой четверти его. И им еще понадобится союз с Россией, но сегодня они близоруко не думают об этом» [10, с. 25].

Начиная с четвертой передачи, Солженицын переходит к анализу отдельных сторон российской жизни. Это – все, что связано со школой, воспитанием подрастающего поколения (передачи 4–7), с профсоюзами (передачи 8–9), с ситуацией в Чечне (10), с казачеством (11), с соотечественниками, оказавшимися брошенными в бывших республиках СССР после его распада (12). Нетрудно заметить, что при выборе тем для своих встреч с многомиллионной аудиторией

писатель откровенно отдавал предпочтение проблемам, которые были не только жгуче актуальными, но и касались непосредственно значительных масс людей.

Этот факт подтверждается тем, что, по словам писателя, сказанным в одном из выпусков, в его планах было специально поговорить о состоянии медицинского обслуживания населения в нашей стране. В этом отношении его цикл был в подлинном смысле телевизионным, – обращенным фактически к каждому и ставящим касающиеся всех вопросы.

К этим достоинствам прибавлялось еще и другое. В большинстве передач писатель говорил о том, к чему он имел достаточно близкое отношение. Не только касался этих острых тем в своем творчестве, но и сталкивался с ними в своей жизни. Он немало лет преподавал в школе, жил в Казахстане, где видел положение русских в этой республике.

Наконец, значительное место в цикле занимает то, что принято называть обратной связью. У Солженицына всегда – и до изгнания, и после возвращения из него – была огромная почта: откликаясь на его произведения, ему писали и рассказывали о своей жизни, а также о том, что происходит вокруг, ветераны войны, бывшие узники ГУЛАГа, просто благодарные читатели его книг. Писатель не только бережно сохранял эти письма, отвечал на них, но и постоянно использовал в своем публицистическом творчестве, ссылаясь на их авторов, цитировал. Это поддерживало его на разных этапах жизни, укрепляло в убеждениях, давало право говорить не только от себя, но и от имени значительной части народа.

Особо следует сказать о том, что стало поводом для противостояния писателя и определенных кругов нашей интеллектуальной элиты. Имею в виду его отношение ко всему тому, что получило название теории и практики «пролетарского интернационализма», провозглашенного в свое время большевиками и воплощенного ими в процессе создания Советского Союза. В рассуждениях о сохранении/воссоздании нашего государства, которые он сформулировал, а затем возвращался к ним многократно еще задолго до начала телевизионного цикла, Солженицын постоянно исходил из того, что будущее следует строить на основе трех родственных славянских народов – русского, украинского и белорусского, трех бывших союзных

республик. К ним можно было бы добавить Казахстан, где русского населения сегодня не меньше, нежели коренного.

В новой ситуации, возникшей после 1991 года, когда распался Советский Союз и на его месте образовались самостоятельные государства, проблема обрела несколько иные очертания. Остро встал вопрос о положении русских в бывших союзных республиках. Они в одночасье превратились в нацменьшинство и во многих случаях подвергались тем или иным лишениям, а то и откровенному гонению. Тема эта до сих пор, даже спустя более двадцати лет после телевизионного цикла Солженицына, не решена до конца и из-за своей деликатности чаще всего не обозначается даже в межгосударственных отношениях.

Автор цикла, не связанный никакими дипломатическими обязательствами, высказывает ряд положений, которые в ту пору могли не всем понравиться. Не только властям республик и территориальных образований, которые оказались созданными в результате событий 1991 года, но и тем «интернационалистам», что были давними оппонентами писателя. А он, зная обо всем этом, не старался приспособиться к кому-то, не искал компромиссных формулировок. Оставаясь верным себе, Солженицын выступал с открытым забралом, он смело, даже подчас сознательно обостряя и без того чрезвычайно острые вопросы, говорил о больных геополитических проблемах, доставшихся нам тяжелым наследством от коммунистической эпохи.

Драматические аспекты межнациональных отношений, оказавшихся нерешенными во время «развода» республик СССР в 1991-м, проходят в нескольких беседах цикла. В особенности ярко – в 10-м выпуске, посвященном ситуации в Чечне (21 августа 1995 года). Тут писатель не побоялся оказаться в резкой конфронтации не только с официальной российской властью, но и с подавляющим большинством населения (читай – с телезрителями). Впрочем, ему, как опытному полемисту, было не привыкать выступать перед не согласной с ним аудиторией. Тем более что речь шла не о каких-либо проходных проблемах, не о частном мнении по некоему второстепенному обстоятельству, а о позиции, которую писатель занимал и пропагандировал не первый год.

В самом деле, тема положения русских людей в союзных (и автономных) республиках является для Солженицына сквозной в его

публицистике. Он постоянно в разных аудиториях говорил о 25 миллионах русских, живущих в нашей стране за пределами Российской Федерации. Случай с Чечней воспринимается им с особой болью: ведь тут проблема русского населения остро встала в автономной республике, входящей в состав новой федеративной России.

Писатель, как всегда в цикле, внимательно рассматривает историю чеченского вопроса. Говорит о сталинской репрессии, направленной против целого народа, выселенного со своей земли и отправленного в Сибирь. Напоминает зрителям, что он еще тридцать лет назад в «Архипелаге...» с сочувствием писал о трагической судьбе чеченцев. Переходя к следующей странице истории, резко критикует послевоенное коммунистическое руководство страны – в ярком по форме пассаже в адрес «нашего великого безумца Никиты Хрущева», который хочется привести целиком. «Он в это время разговаривал ногами. Одной ногой он стучал Америке: „А мы вас похороним, а мы вас похороним!“ А другой ногой расшвыривал русские земли куда попало. В пьяном ли виде, Крым – Украине. Чеченам компенсировать надо? – пожалуйста, терские казачьи земли – Чечне. Там еще какие-то кизлярские казачьи земли? – Дагестану подарить. А что ему жалеть? Он – ленинский комсомолец. Что он – Россию собирал? Чужое раздавать – ума не надо» [10, с. 68–69].

Переходя к постсоветской истории, Солженицын обрушивается на российскую власть за ее нерешительность по отношению к сепаратистским настроениям чеченцев. Приводит конкретные примеры непоследовательных, противоречивых действий, которые только разжигают аппетиты тех, кто видит будущее Чечни вне России. Он и прежде не скрывал своей позиции по этому вопросу. Считал единственно правильным дать Чечне независимость, ввести визовый режим, считать впредь всех чеченцев иностранными гражданами.

Во многом позиция писателя основана на том незавидном положении, в котором оказались русские (а вместе с ними, по его свидетельству, еще и украинцы, армяне, евреи, грузины, греки, – все, кто не относится к титульной нации) в Чечне рубежа 1980–1990-х. Солженицын рассказывает о том, что «только за первую половину 1992 года в Чечне подвергся насилию каждый третий житель. Это были все нечечены». Писатель зачитывает отчаянное обращение последней оставшейся в Чечне русской общины о горестном поло-

жении соотечественников. «Город Грозный превратился в огромное русское кладбище, – делает он вывод и добавляет – Средства массовой информации сознательно замалчивают этот факт» [10, с. 71].

В условиях, когда СМИ хранят молчание, Солженицын в передаче со всей силой своего публицистического темперамента обрушивает на головы аудитории шокирующие подробности того, что произошло и продолжает происходить в Чечне. Не выбирает парламентских выражений для обозначения своей позиции. Припечатывает: «Государство проявило себя как импотент» [10, с. 70]. При этом не ограничивается эмоциональными оценками, приводит некоторые невыясненные обстоятельства и действия властных структур (которые, к слову сказать, насколько мне известно, не выяснены до сих пор!), способствовавшие тому, что произошло в северо-кавказской республике.

Писатель называет их «черными ящиками» и перечисляет без обиняков один за другим. «Первый черный ящик: кто дал оружие Дудаеву – авиацию, танки, тяжелую артиллерию и химическое оружие?» [10, с. 70] На этот вопрос Солженицын, несмотря на свою настойчивость, ответа не получил. Не получило его и общество. Как не получило оно объяснений еще и по поводу других названных с экрана «черных ящиков»: куда шли деньги от продажи грозненской нефти; почему власть долго колебалась, прежде чем начать решительные действия; как был допущен позорный эпизод в Буденновске и столь же позорная капитуляция там? Автор цикла множит вопросы и не получает на них ответа. Начав с локальной, правда, очень важной для себя темы – судьбы миллионов соотечественников, оставшихся без должной поддержки со стороны нашей власти, – Солженицын убедительно соединил ее с кругом жгучих политических проблем, связанных с Чечней и, шире, республиками Северного Кавказа, где до сих пор не утихает деятельность боевиков-сепаратистов.

То же самое, фактически, произошло и в 11-м выпуске цикла, посвященном казачеству (04 сентября 1995 года). Писатель рассматривает это уникальное российское явление, «которого не было ни в одной стране мира» [10, с. 75], в течение веков в сложном историческом контексте отечественной истории. Солженицын исходит из того, что «казачество не вписывается ни в коммунизм, ни в капитализм. Не вписывается ни в какую схему» [10, с. 75]. Подобный подход по-

звояет ему четко разделить живое и наносное в явлении, рассказать о трагедии казачества, которое стало жертвой коммунистического геноцида, «который над казачеством был учинен, – первый геноцид в России и один из первых геноцидов на земле» [10, с. 75].

Писатель критически относится к воссоздаваемому ныне «асфальтовому казачеству», лишенному своего неповторимого места в социальной структуре государства, соглашается с тем ироническим отношением к нему, которое сложилось в обществе. «Да, – говорит Солженицын, – уродливое восстановление казачества, уродливое. С этим не спорю» [10, с. 76]. И тут же объясняет, почему так случилось, отделяет зерна истинных достоинств казачества как явления от плевел.

Писатель обращает наше внимание на те жизненные уклады, которые порождены казачеством и тесно связаны с ним. Это, прежде всего, «своеобразное общинное земледелие», где землю делили по едокам. В таком случае сироты и старики не оставались обездоленными, даже когда служивые уходили в армию и не возвращались домой живыми. А еще, к тому же, истинная демократия, самоуправление. «Настоящая выборность снизу доверху. А потом – строжайшее подчинение иерархии» [10, с. 76].

Автор цикла перечисляет с уточнениями и подробностями другие качества «прежнего», как он оговаривается, казачьего устройства жизни: роль стариков, хранителей традиций и рассудителей конфликтов; особый боевой дух, укрепленный тем, что казаки-одностаничники служили вместе, друг у друга на глазах, так что и смелость, и трусость сразу же становились очевидными; отсутствие коррупции в среде казачьей администрации, обходящейся без помощи полиции и жандармов; спокойное станичное существование без замков в хатах и без воровства.

Наряду с ни с чем не сравнимыми казачьей этикой и демократией, писатель не забывает упомянуть и о вряд ли сегодня возможных обстоятельствах, таких как освобождение от уплаты налогов на землю («они платили своей военной силой, своей кровью» [10, с. 78]) или прохождение службы со своей амуницией и своим конем. Не забывает он и о том, что царская власть частенько использовала казаков для подавления народных волнений, считал это не только ошибкой или грехом, а настоящим преступлением, потому что втягивало казачество в политику, от которой оно всегда было далеко.

Считая казачество «государственной исторической драгоценностью России» [10, с. 81], не скрывая своей откровенной симпатии к этой части русского народа, Солженицын строго анализирует современные попытки возродить ее роль в нашей жизни. Критикует неудачные указы российской власти, где проблемы казачества почему-то отнесены к компетенции Миннаца («Вот опять бестактность. При чем министерство национальностей? Казачество – что, нация?» [10, с. 79]). Укоряет Государственную Думу, которая «два года проболтала» и уходит, так и не приняв закона о землепользовании, имеющего прямое отношение к судьбе казачества в стране.

А еще – многострадальный закон о самоуправлении. Эта тема для Солженицына – одна из самых важных, сквозных во всех его рассуждениях. Она связана с его пониманием демократии, которая должна расти снизу, стать своего рода самодеятельностью народных масс. Писатель цитирует статью 12 Конституции, где сказано: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление». Но закона, который бы конкретизировал это положение, нет. «А казаки именно и нуждаются в независимом местном самоуправлении» [10, с. 81]. Несмотря на самые высокие слова, сказанные писателем с экрана в адрес русского казачества, его судьба в нынешней российской действительности и сегодня, спустя более двух десятилетий после выхода цикла в эфир, остается так и не решенной до конца.

Две беседы – восьмая (24 июля 1995 года) и девятая (07 августа 1995 года) – посвящены теме, которая по давней, не очень понятной традиции почти не затрагивается нашими СМИ, – профсоюзам. Поначалу может показаться, что повышенное внимание к этой теме связано с долгим пребыванием писателя в США, где и роль профсоюзов в жизни страны, и внимание к ним со стороны общества, в том числе прессы и публицистов, несравненно больше, чем у нас.

Но первые же слова ведущего в открывающей тему передаче показывают, что дело тут не в этом. В своем обращении к теме Солженицын, озабоченный близким к коллапсу состоянием российской экономики, мне думается, специально из трех ее основных составляющих – предпринимателей, занимающихся бизнесом, власти, регулирующей развитие промышленности и сельского хозяйства, а также собственно тружеников, занятых непосредственно на производстве, –

решил обратиться к третьей силе, и, конкретно, к представляющим ее в отношениях с первыми двумя профессиональным союзам.

Солженицын начинает разговор об отечественных профсоюзах с позабытой истории о том, как в первые месяцы после октябрьского переворота «петроградский пролетариат стал в конфликт с коммунистической властью» [10, с. 53]. Тогда рабочие «поверили, что они сами могут устраивать свою судьбу», стали создавать независимые фабрично-заводские комитеты. «Коммунистическая власть уже тогда начала разгонять эти фабзавкомы, и даже на некоторых петроградских заводских дворах стреляла из пулеметов по рабочим» [10, с. 53].

Писатель упоминает свои «Исследования новейшей русской истории», где он впервые привлек внимание общественности к драматической истории движения уполномоченных от фабрик и заводов в 1918 году. Но и в следующие годы продолжалось противостояние профессиональных комитетов и власти. В 1921 году рабочие поддержали Кронштадтское восстание, в том же году в партии возникла «рабочая оппозиция», которую «Ленин и Троцкий растерли в порошок». В результате «у нас воцарились Советы как декорация, все по звонку из партии, и профсоюзы тоже – как декорация» [10, с. 54].

Не задерживаясь долго на декоративной истории советских профсоюзов, Солженицын переходит ко времени перестройки, которую он иронически называет «перетряской». И опять, на новом витке истории, политикам постсоветской России «пришла в голову та самая гениальная мысль: а использовать надо рабочее движение, двинуть рабочее движение!» [10, с. 55]. В ситуации, когда на предприятиях было запрещено создавать партийные ячейки, перед профсоюзами открывались неведомые прежде возможности. В этих условиях повсеместно создаваемые политические организации, партии, попытались руками профсоюзов добиваться своих целей. («Нельзя прямо проникнуть на производство, но можно проникнуть через профсоюзы, можно использовать профсоюз как базу, опорную базу своей политики» [10, с. 55]).

В результате на многих предприятиях стали создаваться параллельные профсоюзные организации, благо закон тому не препятствовал. Хотя дробление профсоюзов, появление новых, все более мелких ячеек совершенно очевидно ослабляло рабочее движение и ставило его в зависимость от сиюминутных интересов отдельных

политических сил. Все это, в итоге, вредило профсоюзам, способствовало их перерождению.

Писатель обращает внимание телезрителей на то, что некоторые современные профсоюзные деятели главной, чуть ли не единственной, формой борьбы за права трудящихся избирают забастовку и всячески призывают к ней. Солженицын подробно описывает прошедшую месяц назад телепередачу, в которой профсоюзные лидеры, справедливо критикуя нынешнее экономическое положение и ход преобразований в стране, объявляют забастовку «основным средством борьбы». «Ну знаете, – возражает им писатель, – если забастовки – основное средство борьбы, тогда мы погибли. Тогда и профсоюзы уже теряют всякий свой смысл» [10, с. 58].

При том что Солженицын и в этом цикле, и в других своих публичных выступлениях постоянно и резко критиковал политику новой российской власти, он столь же резко противостоял и необдуманным призывам некоторых профсоюзных деятелей к забастовкам, понимая, чем это чревато. «Да, – восклицает он в сердцах, – действительно, экономическое давление сейчас на трудящихся ужасающее. Да, всем невероятно тяжело, особенно эти ужасающие задержки зарплаты. И те, кто наверху, кто ворочает промышленностью и, добавлю, **кто ворует**, должны очнуться, потому что когда-нибудь и до них дойдет. Только нет, признать, что забастовка – основное средство борьбы профсоюзов, что оружие и революция – это средство борьбы за экономические права, – нет, это конец страны» [10, с. 59].

Солженицын видит в нормальных профсоюзах, «которых у нас нет», «сложные и нужные организации», «по сути – сословия», которые бы естественно «встроились и в народное самоуправление» [10, с. 59]. Во второй передаче, посвященной профсоюзам, автор цикла переходит от истории и критики к изложению своей позитивной программы по этому вопросу. И снова тут сказываются основные принципы построения демократического общества, о которых писатель не устает говорить во всех своих беседах. Снова о создании и развитии любого профсоюзного движения только снизу, от производственных коллективов. Снова о том, что «ни в коем случае не должно быть ни административной, ни финансовой зависимости ни от государства, ни от директората, ни от коммерческих структур, ни от банков, ни от партий, – ни от кого. Только в этом случае профсоюзные лидеры

будут действительно представлять свой коллектив и его интересы» [10, с. 60].

А еще во второй передаче, посвященной профсоюзам, названы главные задачи этих организаций: борьба за зарплату, за технику безопасности, за улучшение условий труда. Солженицын тут снова предупреждает, что представление о «борьбе» не должно пониматься по-большевистски: при всех условиях общим интересом и трудового коллектива, и директора остается сохранение производства. Писатель решительно критикует тенденцию, при которой новообразованные профорганизации, объединяющие меньшинство сотрудников, призывая к забастовке, нарушают нормальный ход работы, ведут предприятие к банкротству. А оно, в свою очередь, позволяет недобросовестным людям по дешевке скупить сваленное таким образом предприятие. В проигрыше в этих случаях остаются только трудящиеся на нем люди.

Нарисовав портреты-типы нынешних директоров, подчас весьма нелицеприятные, писатель в то же время предостерегает против лозунга «Профсоюзы должны вести контроль над директорами». «Это опять новейший большевизм» [10, с. 62], – уверяет он, предупреждая нас от увлечения крайностями.

Наибольшее число передач – три! – посвящено проблемам образования и школы, воспитания подрастающего поколения. Это и понятно: тут речь идет фактически о будущем нашей страны. Кроме того, Солженицын немало лет своей жизни отдал школе, работал учителем, хорошо знает эту сторону нашей жизни. Беседы пятая (21 июня 1995 года), шестая (26 июня 1995 года), седьмая (10 июля 1995 года) говорят о психологическом сломе нынешних подростков, бедственном положении учителей, переполненных школах, учебниках, о проблемах русской национальной школы и других важнейших проблемах просвещения в современной России.

Как и в других частях цикла, Солженицын не выступает здесь кем-то вроде «лектора на тему», не придерживается строгого плана изложения и развития темы. Говорит эмоционально, что делает его речь и доступнее аудитории, и действеннее, перемежает ее воспоминаниями и фактами из своей многолетней педагогической практики, широко использует примеры дореволюционной и советской школы, использует зарубежный опыт.

Вместе с тем на материале этих трех передач нетрудно воссоздать довольно полную картину просвещения и положения народного образования середины 1990-х. Автор с превосходным знанием предмета анализирует состояние российской школы, оказавшейся в особенно сложном положении в эти годы. Рассказывает о нехватке книг в школьных библиотеках, – даже сочинений Пушкина. О нищенских зарплатах учителей, в особенности сельских, которых, к тому же, в последнее время лишили прежних, весьма скромных, льгот по коммунальным услугам. Об отмене десятипроцентной надбавки учителям, которая существовала для возможности подписаться на необходимые для повышения квалификации профессиональные журналы. О вымывании по экономическим причинам мужчин из педагогической профессии, что отрицательно сказывается на характере воспитания подростков. О трети школьных зданий, требующих капитального ремонта. О переполненных классах. И еще о многом другом.

Но кроме этих организационно-финансовых трудностей в развитии российской школы, Солженицын в своих передачах подробно анализирует и не менее (а может, даже и более) важные вопросы, связанные с содержанием и целями образования. Тут, кстати сказать, начинаются разногласия писателя с его оппонентами, некоторые из коих по-другому относятся к названному кругу проблем. Они по большей части делают упор на формирование у подрастающего поколения прежде всего глобалистских ценностей, на овладение теми знаниями, которые им понадобятся в кибернетическом, роботизированном будущем.

Писатель же не скрывает своей ориентации на традиционное воспитание в школе будущего гражданина своей страны, оснащенного не только необходимым кругом знаний, но и получившего нравственные и социальные ориентиры, хорошо знающего свое прошлое и готового строить будущее, не только близкое, но и далекое. В связи с этим Солженицын особое внимание уделяет школьным учебникам истории – не только достаточному обеспечению ими учащихся к скорому наступлению осени (а эта «вечная» проблема, увы, в особенности обострилась в 1990-е годы), но и их содержанию.

Если, по его мнению, «с учебниками по литературе – более благоприятное положение», то «История Отечества», предназначенная для

школьников 10 класса, вызвала у Солженицына серьезную критику. «В отношении дореволюционной России – в лучшем случае перечисление событий. Бедность мысли и нерешительность мысли. Не дай Бог дать патриотическую концепцию национальной истории так, как делается во всех нормальных странах. Этого бояться» [10, с. 43–44].

В центре рассуждений ведущего осмысление в учебнике событий революционного 1917 года. «Что о нем можно по этому учебнику понять? Да ничего существенного, ничего главного, всех процессов понять нельзя» [10, с. 44]. В особенности удивляет писателя то обстоятельство, что в «Истории Отечества» «утверждается, что советское время – преемственно к дореволюционному. Как же это может быть преемственно, если 15 лет над нами бушевал ураган лозунга: „Все до основания разрушим – построим новое!“» [10, с. 44]. «И так и делали, – продолжает Солженицын, – разрушали всю традицию мысли, всю традицию культуры, все сословия, религию, мировоззрение, все разрушали и разрушали. А потом построили новое. А теперь учебник говорит: „Это преемственно“» [10, с. 44].

Особое возмущение писателя вызывает трактовка в «Истории Отечества» коллективизации и раскулачивания. «Оказывается, по этому учебнику, то были мероприятия по повышению производительности сельского хозяйства... В общем, вернись мы сейчас к нашему прежнему политическому устройству, этот учебник еще так подумать, может быть, выбрасывать не надо, может, еще пригодится и для того времени» [10, с. 44].

Об учебнике истории для 11 класса, том, где речь идет уже о совсем близких к нам временам, Солженицын высказывается менее решительно и довольно лаконично. При этом, отмечая осторожность авторов («здесь надо особенно не поскользнуться»), сам тоже ограничивается лишь двумя общими, не расшифровывающими суть замечаний фразами: «И тут черные дыры умолчания и непонимания. И тут, вот, инерция сознания, которая нас задерживает». «В общем, – делает вывод автор цикла в итоге разговора о школьных пособиях, – боюсь, что с учебниками по истории у нас осталось начать и кончить» [10, с. 45].

В последней из трех передач, посвященных образованию, писатель высказывает свои общие, принципиальные позиции, которые, как всегда у него, отличаются последовательностью и цельностью. Начинает

беседу с рассказа о прошедшем в столице месяц назад всероссийском земском съезде учителей. Земство, как и все формы местного самоуправления, – излюбленная тема Солженицына, его конек. То звено, с помощью которого, по его убеждению, можно вытянуть многие десятилетиями не решаемые проблемы развития нашего общества.

К сожалению, в этом вопросе далеко не все поддерживают писателя, не входя, впрочем, в прямую полемику с ним, не объясняя, чаще всего, своего неприятия этой позиции. Вот и сейчас, «съезд этот не имел никакой поддержки от правительства. Более того, в ряде звеньев государственного аппарата созыв такого съезда встретил сопротивление, как встречают сопротивление вообще всякие попытки народного самоуправления. Вот эта бесчувственность нашей нынешней государственной системы ко всякому живому движению в стране, ко всякому доброму движению – совершенно удручает. Это какой-то мрачный тупик» [10, с. 46].

Земство, как его представляет себе писатель, по определению своему внепартийно, внеполитично и вненационально. Кроме одного: «школа – не может быть не национальной. Школа обязательно опирается на какую-то культуру» [10, с. 47]. Солженицын развертывает в своей передаче программу создания русской национальной школы. Она в особенности актуальна потому, что, в отличие от других стран Европы и Америки, от бывших республик Советского Союза, даже автономных образований нынешней Российской Федерации, – русская национальная школа испытывает затруднения. «Во всем мире, – говорит писатель, – национальные школы – естественная вещь. Одни только мы, русские, боимся произнести сочетание «русская национальная школа» [10, с. 49].

Солженицын называет несколько конкретных предметов, которые должны были бы составить основу образования в русской национальной школе. Специально формулирует их в тех терминах и понятиях, которые восходят к нашей традиции. Таков, скажем, предмет «гражданское благочестие и российские законы», который видится автору цикла одним из обязательных в школьном образовании. «Этическое воспитание, – замечает писатель, – нравственное, должно открыть все подавленные свойства склада русского характера, русской души, нашу широту, отзывчивость, открытость, доброту, сострадание, милосердие, вот всему этому открыть дорогу» [10, с. 50].

Рисуя в воображении контуры будущей русской национальной школы, писатель не обходит вниманием и такой острый, постоянно вызывающий бурные споры, вопрос, как уроки религиозного воспитания. Вспоминает в связи с этим пакт ООН о правах человека, где прямо записано: «Родители имеют право дать детям религиозное воспитание». Резко критикует те половинчатые решения, принятые руководством российского просвещения, которое вводит в школах такие предметы, как «общее религиоведение» или «общая культурология», не без основания считает, что «это эрзац, это мимикрия, в которой бывшие марксисты, оставшиеся без хлеба, ищут себе, в какую форму войти» [10, с. 51].

Снова и снова говоря о необходимости хороших учебников по истории России, уделяя особое внимание таким предметам, как краеведение (в продолжение мысли о земстве и местном самоуправлении!), писатель призывает: «Окунаясь в русскую традицию и держа ее, не надо закисать в хорородах» [10, с. 50]. И, будто продолжая спорить со своими оппонентами, склонными упрекать его в предпочтении образцов несовременных, находящихся в далеком прошлом, заявляет: «Нет, мы должны школу держать на высочайшем современном уровне, и научном, и организационном, и по качеству обучения. Именно теперь, когда наш народ находится в духовном провале, и молодежь наша особенно, – именно теперь только и важно этим языковым и традиционным воспитанием сохранить, спасти, дать опору для возрождения нашего национального сознания» [10, с. 50].

Солженицын идет дальше, проецируя предложенную модель формирования подрастающего поколения на возможные угрозы века. «Если мы не дадим национального воспитания в школе, – говорит он, – если мы не будем воспитывать этих патриотических чувств, глубины истории нашей тысячелетней в наших детях, то мы и будущую интеллигенцию получим вот такую, как сейчас, – без связей с национальной традицией, с национальным духом и с глубиной истории. И если когда над Россией, как и над другими странами мира, в XXI веке прогремят свои военные грозы, то неужели мы можем надеяться, что наш народ пойдет воевать за права коммерции, за жиреющие банки, за этих грязнохватов, расхватывающих народное имущество? Нет, не пойдет» [10, с. 51–52].

В финале третьей передачи, посвященной народному образованию, писатель, как всегда прямой и откровенный, четко обозначил линию жесткого размежевания между тем, как ему виделось будущее России, исходя из ее славной многовековой истории, великих традиции, духовного потенциала, – и тем, по какому пути пошло развитие страны в постсоветские годы.

Впрочем, и в остальных выпусках цикла, касающихся менее масштабных проблем, нежели формирование будущих поколений народа, отношение писателя к происходящему в его стране не оставляло сомнений: он был решительно не согласен с тем, как именно проходили социально-политические и экономические преобразования 1990-х. Даже если учесть то обстоятельство, что в ту пору не возбранялось высказывать любые, даже самые радикальные взгляды и мнения, что власть тогда никому не затыкала ртов, сокрушительная критика Солженицына не могла оставаться незамеченной.

Во-первых, она исходила из уст человека, который, без особых преувеличений, был в ту пору, пожалуй, самым авторитетным гражданином своей страны. Его огромный талант, его превосходное знание как дореволюционного, так и советского этапов развития страны, его последовательная и принципиальная борьба с коммунистической идеологией, драматическая история его жизни, – все придавало особую весу каждому сказанному или написанному им слову.

Во-вторых, писатель, имея право, как каждый из нас, высказывать по любому поводу ни к чему не обязывающие сиюминутные суждения и мнения, отнесся к своей задаче с такой же основательностью и глубиной, как он это всегда делал в творчестве. Он опирался в своих высказываниях не только на собственный всесторонний анализ фактов и обстоятельств, но и на сведения, почерпнутые из постоянных многочисленных контактов со своими читателями, простыми жителями бескрайней России. Он не только проехал с востока на запад всю страну, возвращаясь из изгнания, но и, уже находясь в Москве, постоянно выезжал в разные ее регионы, встречался с тысячами людей, внимательно выслушивал и записывал их суждения, получал письма от сотен корреспондентов.

И наконец, в-третьих, Солженицын не только глубоко проанализировал процессы, происходящие в стране в последние годы, не только сравнивал увиденное сегодня с тем, что было прежде,

в дореволюционной России и в годы советской власти, но и постоянно заглядывал в будущее. Говорил о близком XXI веке, в котором предстоит жить новым поколениям русских людей. Поэтому, наверное, суждения писателя – даже в такой усеченной форме, в какой они появлялись в виде коротеньких телепередач, выходящих в свет с непомерно большими интервалами, – выглядели цельной и убедительной геополитической, социокультурной, нравственной программой, значение которой, как показали два с лишним десятилетия, прошедших после выхода их в эфир, не только не ubyло за это время, но и, пожалуй, стало еще большим, нежели в 1995 году. Здесь я специально обильно цитировал слова писателя для того, чтобы нынешний читатель мог оценить, насколько актуальными остаются высказанные им более двадцати лет назад мысли.

И это – при том, что планы писателя, связанные с этим циклом, оказались незавершенными. Точнее даже сказать, не развернутыми в полной мере. Нетрудно догадаться (иногда в передачах автор напрямую сообщал о своих намерениях в будущих выпусках коснуться той или иной конкретной темы, которые в итоге, увы, не увидели света), что цикл задумывался автором очень широко. Начатый под конец телевизионного сезона, в апреле месяце, он продолжался, вопреки всем правилам, без перерыва в летнюю, «мертвую», межсезонную пору (тут, видимо, сказались интересы предвыборной кампании, в которой власть предполагала использовать силу солженицынского слова), а затем плавно перешел в новый сезон 1995/96 годов.

Впрочем, в новом сезоне программе «Встречи с Александром Солженицыным» суждено было просуществовать всего месяц. Выпуск, намеченный на 2 октября, не вышел в эфир. Он был снят (а вместе с тем оказался прекращенным и весь цикл), по официальной версии, решением совета директоров телекомпании ОРТ, которая основательно перетрясла всю сетку вещания, убрав из нее, по официальным данным, около сорока самых разных передач. (Их полный список в свое время так и не был обнародован, независимые журналисты насчитали тогда более шестидесяти закрытых программ.)

Среди них были такие, что не пользовались успехом у зрителей и не вызывали никакого интереса у профессионалов. Были две программы довольно известных телевизионных авторов, не самые, скажу прямо, удачные в их послужном списке. Создавалось впечатление, что

их убрали, что называется, «до кучи», чтобы как-то самортизировать скандальное впечатление от запрета цикла Солженицына.

А он случился довольно громким. Известно немало подробностей произошедшего, поначалу тщательно скрываемых руководством телевидения. О них, возможно, стоило бы написать специально. Здесь же напомним лишь основные события. На 2 октября была намечена очередная передача, где автор предполагал (существует довольно подробный конспект этой программы) вернуться, в определенной степени, к проблематике первых двух передач, поговорить на общеполитические темы. Писатель так обозначил основную тематику этой, тринадцатой по счету, передачи: «Разочарование народа в политической жизни. – Горькие суждения в народе о власти. – Никакая правда правящим не нужна» [10, с. 89].

Ненужным им оказался и великий писатель, пытавшийся эту правду говорить с экрана. Не имея ни формальных поводов, ни моральных прав, ни юридических оснований прекратить его цикл, они сделали это исподтишка, так, чтобы потом историки не могли бы с достоверностью установить, чьих рук это дело. С. Благоволин, в ту пору генеральный директор ОРТ, человек на телевидении совершенно случайный, ссылался на якобы состоявшееся решение совета директоров телекомпании. Ни даты его заседания, ни тем более протокола или хотя бы повестки дня, где были бы отмечены обсуждаемые вопросы и постановления, вынесенные по ним, представлены не были.

По другим источникам, роковое решение принимал единолично Б. Березовский, негласный владелец крупнейшего в стране телеканала. Впрочем, он, судя по свидетельству его друга, известного тележурналиста, также пострадавшего в те дни, в беседе с ним все отрицал. Еще одна версия, самая, наверное, достоверная, озвучена была по горячим следам женой писателя в газете. По ее словам, 21 сентября в их московской квартире на автоответчике (они с Александром Исаевичем были в поездке по стране) появилась просьба срочно связаться с руководителем студии «Публицист», которая снимала для канала этот цикл.

Вернувшись 24 сентября в Москву, Н.Д. Солженицына позвонила на студию и узнала, что еще 20 числа К. Эрнст, в ту пору генеральный продюсер ОРТ, отказался с октября месяца включать цикл, в числе

сорока других программ, в новую сетку вещания. В тот же день появилось подписанное женой писателя и опубликованное в том же номере газеты заявление. В нем говорилось: «Владельцы первого телевизионного канала распорядились прекратить регулярные 15-минутные выступления Александра Солженицына, в которых он рассматривал широкий спектр сегодняшней народной жизни. Характерно при этом, что непосредственно самого Солженицына даже не сочли нужным известить» [8].

Уже тогда многие обратили внимание на «случайное» совпадение. 20 сентября, в тот день, когда К. Эрнст заявил о своем нежелании видеть программу Солженицына в эфире первого канала, в «Известиях» появилась статья К. Кедрова «Понятна только боль...: Александр Солженицын на телеэкране», в которой, наряду с дежурными комплиментами в адрес писателя, давних его публицистических выступлений, шли упреки по поводу него самого и его телевизионного цикла. Из текста, лишенного каких-либо конкретных доказательств, можно узнать, что «гений не всегда гений», что у Солженицына «сейчас кризис», что на ТВ он «повторяет зады Жириновского и Зюганова», причем у писателя «те же тезисы выглядят невзрачнее и бездарнее» [5].

Не стоит думать, что статья в «Известиях» была единственной хулой в адрес цикла и его автора. В одной из передач (21 августа 1995 года) писатель обращает внимание на выступление газеты «Семь дней» (в ту пору этот единственный в стране телевизионный еженедельник издавался большим тиражом и был довольно популярным в обществе). «Телевизионная газета „Семь дней“, – сказал он, – крикнула на меня: „Да заткнись ты, Солженицын! Ну кому нужны эти твои разговоры, советы? Мы сами знаем, что передавать, мы сами знаем“» [10, с. 67].

Еще через месяц, в сентябре, в одной из московских газет некий «полубанкир, полуполитик, еще несколько лет назад не помышлявший об этих занятиях» (так, защищая писателя от нападок, определила его газета «Труд» в номере от 15 сентября 1995 года), развязно заявил: «Не предполагал, что этот гениальный писатель вдруг начнет высказываться по поводу макроэкономики и других вещей, в которых он ни черта не понимает». Хотя тщательный анализ того, что говорил Солженицын с экрана, благо, к счастью, эти тексты опубликованы, – свидетельствует о том, что он ни разу не использовал

там термина «макроэкономика», да и об экономических проблемах в целом рассуждал лишь с точки зрения народа, в одночасье обнищавшего и попавшего в бедственное положение в результате плохо продуманных и скороспелых преобразований, проводимых в стране в начале 1990-х годов.

Отношение к преобразованиям, как известно, раскололо российскую творческую интеллигенцию да и все общество в целом. Кто-то принял гайдаровско-чубайсовские решения, кто-то посчитал их глубоко ошибочными. В конце сентября 1995 года лучшие представители литературы и искусства России, журналисты центральных изданий, отбросив прочь свои разногласия как друг с другом, так и с великим писателем, дружно выступили в его защиту. Сначала одиннадцать видных деятелей литературы и искусства подписали заявление на эту тему, затем их число увеличилось до восьмидесяти восьми. Позже оно выросло до трехсот. В те дни не было ни одного человека, публично высказавшегося, по крайней мере, кто бы принял или, тем более, оправдал поступок руководства первого телеканала.

Газета «Известия» публикациями этих дней пыталась, как можно, очиститься от грязной статьи Кедрова. В материале В. Туровского, названном весьма выразительно – «Глава ОРТ как бы извинился», – дословно воспроизведены маловразумительные объяснения телевизионного чиновника, отчего они выглядят еще одним свидетельством его неприглядного поведения. В своем заявлении на пресс-конференции С. Благоволин сразу же принес «глубочайшие извинения Александру Исаевичу Солженицыну за то, что...». Угадайте, за что именно? Оказывается, за то, что «слишком поздно поставили его в известность о нашем коллегиальном решении».

Что касается существенных аргументов, приведших к закрытию программы, то Благоволин привел лишь один, выглядящий совершенно уж анекдотически. «Накануне предвыборной кампании, – сказал он, – ко мне обращались политики самых разных ориентаций с законным вопросом: “Почему Солженицыну – все, а нам – ничего?”» [8] Руководитель крупнейшего российского телеканала неожиданно забыл, что политики, представители соперничающих на выборах партий, получают, согласно квоте Центральной избирательной комиссии, определенное количество телевизионного времени, которое зависит от закона, а не от присутствия или отсутствия в эфире Солженицына.

Не только «Известия», но и многие другие крупные издания – «Комсомольская правда», «Общая газета», «Вечерняя Москва», «Вечерний клуб», «Труд» (телевизионным обозревателем в последнем в ту пору работал я, и две публикации в газете на тему, простите за нескромность, принадлежали моему перу [1]) – дружно поддержали писателя. Одна из публикаций называлась «Захочет ли Президент Ельцин защитить писателя Солженицына?» [3] Увы, как мы знаем, – не захотел. Тем не менее для очень многих мыслящих людей в России история запрета телевизионного цикла великого писателя стала одним из серьезных разочарований в той демократии, которую построил первый президент нашей родины, ставшей, наконец, свободной.

Впрочем, кажется, сам Солженицын ничуть не удивился произошедшему. В послесловии к публикации своих телевизионных бесед, о которой говорилось выше, он написал: «Когда-то видный классик социалистического реализма требовал от ЦК КПСС: да запретите же Солженицыну *писать!* В буквальных словах: „Не допускайте Солженицына к перу!“ Но вот, времена обернулись, и на днях видная радикал-демократка, верней, революционная демократка, потребовала в комсомольской газете: да запретите же Солженицыну *говорить!* Буквально „не допускайте Солженицына к микрофону!“» [10, с. 93]

«Не удивлюсь, – продолжает он, – если это произойдет. Правда вслух не нужна – ни исполнительной власти, ни законодательной, ни новым денежным мешкам, которые уже и управляют из темноты. Не нужна и той части нашей образованщины, которая приняла новые, навязанные, как теперь выражаются, правила игры» [10, с. 93].

Список литературы:

- 1 *Вартанов А.С.* Послушайте Солженицына // Труд. 1995. 15 сент.; *Вартанов А.С.* Дикое поле. В него может превратиться экран ОРТ // Труд. 1995. 21 окт.
- 2 *Вартанов А.С.* Российское телевидение на рубеже веков: программы, проблемы, лица. М.: КДУ, 2009.
- 3 *Зимянина Н.* Захочет ли Президент Ельцин защитить писателя Солженицына? // Вечерний клуб. 1995. 26 окт.
- 4 *Казючиц М.Ф.* Неигровое. Экспериментальный и документальный фильм в США, Канаде и России 1950–2000-х гг. М.: Академия медиаиндустрии, 2016.
- 5 *Кедров К.* Понятна только боль...: Александр Солженицын на телеэкране // Известия. 1995. 20 сент.
- 6 *Мукусев В.В.* Две полки общего вагона // Кино в меняющемся мире. Сборник статей. В двух частях. Часть первая. М.: Издательские решения. Ридеро. С. 131–208.
- 7 *Новикова А., Туров Я.* Экранизация как «открытое произведение»: от романа к сериалу // Кино в меняющемся мире. Сборник статей. В двух частях. Часть вторая. М.: Издательские решения. Ридеро. С. 170–199.
- 8 Российское телевидение решило закрыть программу Александра Солженицына // Русская мысль. 1995. 28 сент. – 4 окт. № 4094.
- 9 *Сараскина Л.И.* Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
- 10 *Солженицын А.* По минуте в день. М.: Аргументы и факты, 1995.
- 11 *Туровский В.* Глава ОРТ как бы извинился // Известия. 1995. 28 сент.
- 12 *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- 13 *Эко У.* Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. М.: Академический проект, 2004.